

УДК 111

ОБРАЗ ЦИКЛИЧНОГО ВРЕМЕНИ В ГРЕЧЕСКОЙ НАТУРФИЛОСОФИИ**Т. Ю. Денисова**

*Кандидат философских наук, доцент,
e-mail: denisovasever86@bk.ru,
Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Тюменская область, Россия*

AN IMAGE OF CYCLIC TIME IN THE GREEK PHILOSOPHY OF NATURE**T. Y. Denisova**

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
e-mail: denisovasever86@bk.ru,
Surgut State University,
Surgut, Tyumen region, Russia*

Abstract. The article gives a description of some versions of ontological models, presented in the early Greek philosophy of nature. The comparison of conceptions about the cyclic time of the Cosmos of Anaximander, Heraclitus and Empedocles let us understand their main intention to figure out the basic principles of the cosmic order. Their goal to find a balance between finiteness of the things and infinity of the Whole, coherence between change and exchangeability had as a result the model of cyclically existing Cosmos. The value of the metaphysical intuition of pre-Socratics is its serving as a base in some modern cosmological hypotheses.

Keywords: cyclic time; Cosmos; origin of the world; cosmic order; pre-Socratics; Anaximander; Heraclitus Empedocles; Whole.

Каждый миг начинается бытие; вокруг каждого «здесь» вращается кольцообразное «там». Середина – повсюду. Путь вечности – кривая.

Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра».

Суть философского знания и специфически философского способа постижения мира – в озадаченности началами. Под началами понимается и общая субстанциальная основа всего многообразного сущего, и основополагающие общие принципы существования этого сущего, и, что самое важное, – структура, порядок, возможности и условия существования Целого. Вопрос о «концах и началах» формулируется, прежде всего, конечно, мифологией. Жить в мире, не понимая его порядка, возникшего «в начале», невозможно. Однако эти «концы и начала» надежно спрятаны от человека, – пытливого, но ограниченного в своих возможностях соб-

ственной конечностью. Даже бессмертные боги не властны над «началами»:

Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,

И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба

Все залегают один за другим и концы и начала –

Страшные, мрачные; даже и боги пред ними трепещут [3, с. 805–810].

Однако ум человека все же дерзает узнать то, перед чем трепещут боги. И греческая философия, задача которой не в «гадательных домыслах», как справедливо указывает А. В. Ахутин [2, с. 16], а в сохранении напряжения удивления, озадаченности причинами и началами, создает множество умозрительных, метафизических моделей мира, каждый раз отправляясь от «начал».

Величайший мыслитель классической античности Аристотель в своей работе «О небе», анализируя идеи своих предше-

ственников о началах мира, сообщает, что их позиции, сходясь в том, что Вселенная имеет начало во времени, то есть возникла когда-то, различаются тем, что одни утверждают, что она далее может погибнуть или быть уничтоженной; другие, что она будет отныне существовать вечно; третьи – и среди них, в частности, Эмпедокл из Акраганта и Гераклит из Эфеса, – что Космос периодически возникает и уничтожается, и это чередование его состояний продолжается вечно [1, с. 294].

Первым же, кто высказал эту идею, был Анаксимандр (610 — 547/540 до н.э.), один из мыслителей Милетской школы. Он впервые попытался увидеть первоначало мира не в определенном элементе – воде, воздухе и т. д., а в некой универсальной субстанции – апейроне. Эта субстанция бесконечна (*α-πειρον* – беспредельное, не-определенное), и она является не только условием существования вещей, но и их движения, изменения, появления, исчезновения, поскольку выделяет из себя противоположности. Борьба противоположностей приводит к гибели мира, но она же ведет и к возникновению нового мира: «А из каких начал вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение ущерба в назначенный срок времени» [6, с. 127]. Поскольку апейрон неисчерпаем, то и количество миров, следующих друг за другом во времени, бесконечно. Так Анаксимандру удастся согласовать вечный спор о конечности или бесконечности мира во времени.

Существование отдельного мира имеет начало и конец во времени, но процесс поглощения апейроном одного мира и порождение нового – бесконечен. То есть существование мира есть циклически повторяющийся процесс, и причина смены времен лежит в самой первооснове мира, апейроне. За образом повторений здесь лежит идея тождества рождения и гибели, как одного неизменного *со-стояния*. Ра-

зумеется, речь идет не о тождестве рождения и смерти одного и того же, а о тождестве рождения вообще и смерти вообще. Это тождество можно видеть и в том, что рождение и смерть обуславливают друг друга: рождение есть необходимое условие грядущей смерти, а смерть – условие порождения новой жизни, поскольку рождение одного, по сути, означает вытеснение (смерть) другого, предшествующего. Но главное состоит в том, что и рождение, и смерть суть моменты *перехода* между периодами *стояния*.

У Гераклита Темного (520–460 гг. до н.э.) мы также находим идею о том, что свойство циклической смены времен заложено в самих началах мира. Как известно, источником всего сущего и его первоосновой он считал огонь. И, вероятно, дело не только в том, что огонь явно меняет вещи, становясь причиной возникновения нового качества (высушивает влажное, плавит из руды металлы, превращает тесто в хлеб и т. д.). Огонь является самой лучшей метафорой движения и изменения, даже лучшей, чем водный поток: в конце концов, вода может быть стоячей, замерзшей, заключенной в границы емкости, а огонь невозможно представить неподвижным, неменяющимся. Даже когда мы глазами воспринимаем пламя свечи, горящей в безветрии, в виде неподвижного яркого лепестка, уму свойственно совмещать горение-стояние (состояние) и горение-движение (процесс). *Вида* пламя неподвижным, мы *знаем* его как движущееся.

В известном гераклитовом поэтическом образе огня как формы мира, обуславливающей его последовательное возникновение и разрушение, содержится, в том числе, и идея циклического, равномерного существования космоса: «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий» [6, с. 217].

Важное значение имеет уточнение, что рождение и гибель Космоса происходят «мерно», то есть упорядоченно и предсказуемо. Мир не имеет ни абсолютного начала, не будучи ни созданным, ни возникшим, равно как не имеет и конца, но ему свойственно ритмичное чередование существования и несуществования, и мера, то есть сроки этих циклов, predetermined общими порядком космоса. Размеренность процессов возгорания и угасания указывает на их родство, помогает совместить в уме то, что лишь внешне кажется противоположным. Отсутствие неожиданностей, мерная, периодичная смена состояний фактически «отменяют» время, поскольку отменяют изменение. Как и у Анаксимандра, за образом повторений у Гераклита лежит идея тождества рождения и гибели. По-настоящему противоположны не процессы возгорания-угасания, а периоды изменения и движения (и возгорания, и угасания) и периоды остановки движения, сохранения определенного состояния.

Еще одной интересной версией идеи цикличности как принципа существования Космоса является модель мироустройства у Эмпедокла (около 492–432 гг. до н.э.). Великий философ, жрец, врач, естествоиспытатель, живший на Сицилии в V в. до н.э., изложил свою теорию происхождения и устройства Вселенной в сочинении с традиционным для досократиков названием «О природе». Эмпедокл утверждает, что в мире нет ни возникновения, ни исчезновения: возникновение есть всего лишь соединение элементов, а исчезновение – их разделение, в целом же бытие вечно и неизменно. Никакой генезис невозможен, поскольку истинно сущее абсолютно, всегда было и будет. Оно обладает полнотой и целостностью, а это значит, что к полноте целого ничего прибавиться не может, и ничего не может из нее исчезнуть. Полнота бытия недоступна чувствам: человеку в его чувственном восприятии доступны лишь единичные

вещи, полнота бытия же постигается только мыслью.

Все многообразные вещи слагаются из стихий, которых Эмпедокл насчитывает четыре и связывает их с божествами: огонь – Зевс, воздух – Гера, земля – Аидоней, вода – Нестис. До возникновения мира все стихии находились в нерасчленимом гармоническом единстве в единой сфере. Впоследствии Вражда и Любовь – две противоположные космогонические силы – воздействуя на стихии, создали мир смертных вещей: Вражда разделила стихии, а Любовь способствовала их согласию и взаимодействию. И далее в основе мироустройства, по Эмпедоклу, лежит чередование власти Любви и Вражды (Ненависти, Распри), которые управляют четырьмя стихиями:

«И они [элементы]

никогда не прекращают непрерывного чередования:

То действием Любви все они сходятся в Одно,

То под действие лютой Ненависти несутся каждый врозь.

И поскольку они каждый раз заново образуют множество

после разделения Одного,

Постольку они рождаются и век у них непостоянный,

А поскольку они никогда не прекращают непрерывного чередования,

Постольку они существуют вечно, неподвижные в круге» [6, с. 344].

Движение («никогда не прекращают чередования») сочетается у Эмпедокла со статикой («неподвижные в круге»), изменение – с периодами сохранения изменений (все того же «стояния»), временность («век у них непостоянный») с отсутствием времени («существуют вечно»). Именно цикличность – чередование – обеспечивает Целому, то есть Космосу жизнь, но такую жизнь, которая не ведет к окончательной смерти, как это происходит с единичными вещами.

Как указывает А. В. Лебедев, «разительное сходство космического цикла Гераклита с космогонией Эмпедокла заставляет задуматься о двух возможных сценариях: либо Эмпедокл должник Гераклита, либо оба они зависят от общего (вероятно, пифагорейского) источника» [4, с. 121]. Показательно и то, что в рассуждениях о невозможности генезиса в полноте и совершенстве бытия Эмпедокл сходится с Парменидом, и существует также мнение о том, что Эмпедокл был учеником Парменида [5, с. 290]. То есть «общий источник» есть не только у Гераклита и Эмпедокла, но и Парменида и Эмпедокла, а значит, он есть и у Гераклита и Парменида.

Выводы. Натурфилософские модели бесконечно возникающего и разрушающегося мира, уходя корнями в мифологию, соединяя в себе теогонию и космогонию, мысля больше образами, чем понятиями, вместе с тем оказались чрезвычайно перспективными в отношении дальнейшего философского и научного развития идеи циклического существования Космоса. Космогонические концепции греческих натурфилософов в конечном итоге имеют не только культурно-историческую ценность (как памятники истории мысли), но и научную, поскольку многие интуиции досократиков получили качественно новое обоснование в современных космологических гипотезах.

Библиографический список

1. Аристотель. О небе // Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. Т.3. / Вст. ст. и прим. И. Д. Рожанского. – М. : Мысль, 1981. – С. 263–278.
2. Ахутин А. В. Античные начала философии. – СПб. : Наука, 2007. – 783 с.
3. Гесиод. Теогония / перевод В. В. Вересаева. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1425407001>
4. Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). – СПб. : Наука, 2014. – 533 с.
5. Трубецкой С. Н. Метафизика Древней Греции / прим. И. И. Маханькова. – М. : Мысль, 2010. – 589 с.
6. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. и авт. вст. ст.. ст. И. Д. Рожанский, подг. А. В. Лебедев. – М. : Наука, 1989. – 576 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aristotel'. O nebe // Aristotel'. Sochineniya. V 4-x tt. T.3. / Vst. st. i prim. I. D. Rozhanskogo. – M. : My'sl', 1981. – S. 263–278.
2. Axutin A. V. Antichny'e nachala filosofii. – SPb. : Nauka, 2007. – 783 s.
3. Gesiod. Teogoniya / perevod V. V. Veresaeva. [E'lektronny'j resurs] Rezhim dostupa: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1425407001>
4. Lebedev A. V. Logos Geraklita. Rekonstrukciya my'sli i slova (s novy'm kriticheskim izdaniem fragmentov). – SPb. : Nauka, 2014. – 533 s.
5. Trubeckoj S. N. Metafizika Drevnej Grecii / prim. I. I. Mahan'kova. – M. : My'sl', 2010. – 589 s.
6. Fragmenty` rannix grecheskix filosofov. Ch. I. Ot e`picheskix teokosmogonij do vzniknoveniya atomistiki / отв. red. i avt. vst. st.. st. I. D. Rozhanskij, podg. A. V. Lebedev. – M. : Nauka, 1989. – 576 s.

© Денисова Т. Ю., 2018.